

ВИКТОР ГОЛЬШЕВ

Все важное пишу ручкой

Виктор Гольшев, один из лучших переводчиков художественной литературы с английского на русский, может показаться антигероем нашего журнала: полжизни пишет одной ручкой. Но его невиданная преданность своему рабочему инструменту достойна подробного разговора, который свидетельствует об исключительной жизненной важности того, чем мы пишем

— Начну с благодарности. Мой английский таков, что, не будь хороших переводчиков, важные для меня книги остались бы непрочитанными. Именно вам я благодарна за «1984» Оруэлла, «Над кукушкиным гнездом» Кизи, за вещи Фолкнера и Уильямса, а особенно за одно из последних удовольствий – «Амстердам» Иэна Макьюэна. За этот роман вы, как лучший переводчик, справедливо получили «Малого Букера». Но мне сказали, что вы любите ручки.

— Нет, не люблю, просто она у меня одна вот уже... да, наверное, тридцать лет.

— И все еще пишет?

— Местами плохо уже пишет. Там накапливается какая-то дрянь, но я нашел способ с этим справиться.

— А сменить?

— Нет. Сменить нельзя. Вот я сейчас перевожу со второй за всю жизнь ручкой. Она, как и предыдущая, советской фабрики «Союз».

— **Но они чудовищного качества!**

— Они прекрасного качества! У них тонкие золотые перья, они стоили когда-то семь рублей.

— **Это было довольно дорого.**

— Но доступно, и цена была оправданна. Ну, тогда же не продавались все эти «паркеры». Я точно могу вспомнить, что одна ручка была с 1964 года, пока не сломалась, а вторая — с 70-х годов.

— **Но вам ручки, наверное, дарили?**

— Может, и дарили, да я ими не пользовался.

И потом, сейчас шариковые дарят, а я шариком не пишу. Перьевой легче писать. Нажимать меньше приходится, во-первых. А во-вторых... Да там простая история. Один роман я перевел шариковой ручкой — и его семь лет не печатали. Теперь ничего хорошего шариковой ручкой не перевожу.

— **А какой роман, если не секрет?**

— «День саранчи» Натанаэла Уэста. Была верстка, потом следующий этап — сверка, и корректорша стукнула начальству, что там есть какие-то «не те» фразы. Начальство попросило их убрать. А я сказал, что автор умер и не у кого спросить разрешения. Так роман и не вышел, хотя уже был подписан в печать. А мне, когда я начал его переводить, как раз подарили хорошую шариковую ручку, с разными цветами, коричневый там очень был красивый... Ну вот я ею и перевел.

— **Вы переводите от руки?**

— Да, я очень отстал в этом деле.

— **Но и раньше ведь можно было сразу на машинке печатать.**

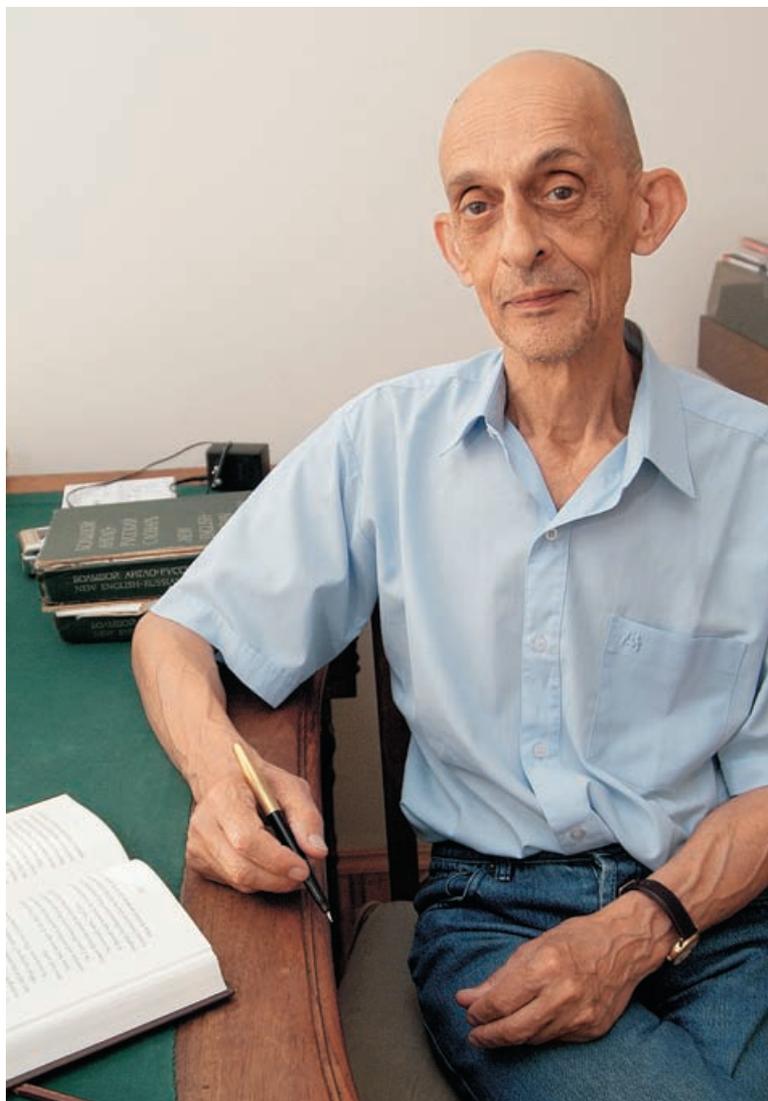
— А я плохо, медленно на ней печатаю. На компьютере тоже, но, конечно, им пользуюсь, когда надо что-то посмотреть. Я в диктофон еще перевожу. Но обязательно начало, первые страниц сто, надо перевести ручкой, втянуться. Вообще, все наиболее ответственное делаю ручкой.

— **Это физически тяжело — писать много рукой.**

— Я же не по сто страниц пишу, в день страниц восемь перевожу. С диктофоном быстрее, но ведь думать быстрее не получается. Потом, когда ручкой пишешь, все видишь, а когда диктуешь, приходится все помнить. Еще, когда пишешь и диктуешь, то занят только книжкой, а с компьютером надо общаться, смотреть, что выходит, искать буквы... А когда пишешь ручкой, ты один на один с текстом.

— **Сейчас много ручек, которые облегчают процесс писания. Вот от толстых меньше рука устает...**

— Нет, я толстые не люблю. Моя мать (Елена Гольшева — известная переводчица, в ее переводах вышли «Мартовские иды» Уайлдера, «Старик и море» Хемингуэя, романы Грэма Грина, Джона Голсуорси, пьесы Артура Миллера. — PW) писала более толстыми ручками. У нее Parker был, потом испортился, я привез

ей из Норвегии новый, позднее привез ей из Англии или из Америки ручку Sheaffer. После нее штук шесть хороших ручек осталось, но я их не трогаю.

— **Как же ваша единственная за столько лет не потерялась?**

— А чего ей теряться? Лежит дома и лежит. Я никогда с собой ручки не ношу. Если надо в институте (Гольшев преподает в Литературном институте. — PW), беру у студентов. Своей, конечно, никому не даю пользоваться. Перо уже хилое стало: когда другая рука пишет, оно царапает.

— **Какая-то у вас потрясающая верность ручке.**

— Это не верность, а нормальное суеверие человека, у которого нет постоянной зарплаты. Футболисты вот тоже суеверные, игроки в карты. Если людям не гарантирован результат, то редкие из них несуетливы. Вот я знаю: если уронишь рукопись, надо на нее обязательно сесть. И вот скажу еще: советские ручки были хорошими, не со стальным

пером, конечно, а с золотым. Это предрассудок, что они были плохими. Чернила же, по сравнению с теми, что были при советской власти, стали отвратительными. Через полбутылки дают густую синюю соплю. Я про наши чернила говорю. Можно, конечно, паркеровские покупать, хорошие.

— Разве наши чернила еще продают?

— Сейчас они называются «Радуга-2». Вот первая «Радуга» — нормальные чернила, а «Радуга-2» дает соплю, и не одну.

— Стоит ли так мучиться?

— Почему мучиться? Всего две сопки на бутылку!

— Но зачем суеверия?

Сегодня никто не может запретить роман.

— Очень даже может. Раньше было понятно, что именно могут запретить: если там много секса или что-то против коммунизма. Было два ясных критерия: если в книге нет ничего антисоветского и она хорошо написана, ее напечатают. А сейчас покажется кому-то, что роман выручки не принесет, и не станут печатать. Потом еще, надо знать, дорогие или нет права на нее. Все решают маркетологи, а качество книги ничего не решает. Если у автора раскрученное имя, его и будут шлепать.

— С романами про Гарри Поттера такого не случится, их-то можно с новой ручкой переводить.

— Гарри Поттера я шариком переводил. За него хорошо платили, и я должен соблюдать лояльность. Но второй раз мы этого делать не будем. Пятую книгу мы ведь перевели втроем («Гарри Поттер и Орден Феникса» Гольшев переводил вместе с Виктором Бабковым и Леонидом Мотылевым. — PW), а на шестой стали упираться. Конечно, когда тебе книжка действительно нравится, можно переводить и за гроши. Надо в жизни иногда упираться, чтобы в амебу не превратиться: не брать работу, которая не нравится, или брать невыгодную, но интересную. Книжка про Гарри Поттера хорошо написана, но мальчик какой-то несимпатичный. Вообще, коммерческий успех не всегда объясним: вдруг появляются авторы, которые начинают пользоваться бешеным успехом. Браун с «Кодом да

Винчи», например. Конечно, в Поттере хорошо описана английская закрытая школа, детектив там есть, но есть и какая-то паранойя вокруг него. Еще его надо очень быстро переводить, чтобы конкуренты издательство не обскакали.

— Перевод «Поттера» — не сложная работа, язык простой.

— С ним только одна сложность: если переводить пятую книгу, надо прочесть четыре предыдущие.

— Во многих переводных книгах раздражают фактические ошибки. Я тут прочла в английском романе «художник Генри Матисс», и читать дальше расхотелось. Как же вы в советское невыездное время писали о жизни, которую не знали?

— Объясню. Литература за последнее время очень изменилась. У Фолкнера, например, никаких особых реалий нет. Ну пейзаж — ты его все равно русским южным представляешь; а дальше там гроб, мул, дом. В нынешней литературе все люди ходят с ярлыками на одежде, реклама на писателей очень подействовала. Вот я читал роман одного американского киношника, так там стол называется по марке, ручка — по марке, чашка — по марке, герой садится не в машину, а в Chevrolet Blazer. Это сразу создает социальную характеристику. И все это очень важно. Душевность уходит из литературы, приходит материальность, люди живут в окружении ярлыков и слоганов. Но и раньше, конечно, были мучения. Например, в романе упоминается картина «Летнее утро». И вот ты целый день в библиотеке ищешь эту картину второразрядного художника. Сейчас с Интернетом на это уходит минута. Или описывается бар, а ты его только в кино и видел. Но зато воображение работало: если хорошего писателя переводить и он тебя затягивает, то все представляешь. У моей матери был случай, когда в оригинале романа был дефект — строчка пропущена. Она ее придумала, потом оказалось, что слово в слово, как у автора.

— А когда стали ездить в Америку, вы узнали страну по ее литературе?

— В Америку попал, когда мне уже пятьдесят было, я уже двадцать пять лет про нее переводил. Потрясающе там было, замечательно.

— Были неожиданности?

— Нет, я все за двадцать пять лет про нее узнал. Знал, как там люди устроены, знал, что они свободнее нас. Ну, разве какие-то частности удивили, смешные. Например, я спросил декана, у которого жил в Кентукки, почему у него так чисто. Но многое оказалось предсказуемо.

— Вы вживаетесь в автора, которого переводите?

— Думаю его мозгами, это значительно хуже. И это приходится делать долго, по многу часов ежедневно. Конечно, не со всеми хочется жить. Если книжка большая и серьезная, а у меня мозги устроены не как у ее автора, я переводить не буду. Вот и женщин не перевожу.

Pen World

ЖУРНАЛ О МИРЕ ПИСЬМА ДЛЯ ЦЕНИТЕЛЕЙ РОСКОШИ

Эти и другие материалы журнала «Мир Ручек»
Вы можете найти на сайте www.ElitePen.ru

Copyright © ООО «Мир Ручек»

Все права на материалы охраняются в соответствии с законодательством РФ.
Любое использование возможно только с письменного разрешения правообладателя.